

ИМЕНИНЫ БАЗАРОВА

Алена Васильева
(Гарту)

Как отмечал еще Л. В. Пумпянский в работе «“Отцы и дети” (историко-литературный очерк)», Тургенев дает в романе точную хронологию событий [Пумпянский: 403]. В самом деле, читателю известен не только год, когда происходят события — 1859, но и некоторые отдельные даты, например, день приезда Евгения Базарова и Аркадия Кирсанова в Марьино — 20 мая.

В данном случае речь пойдет о другой дате, указанной автором в конце XV главы романа — 22 июня 1859 года, когда Базаров и Аркадий едут в имение Анны Одинцовой. Дата отмечена репликой Базарова: «Поздравь меня <...> сегодня 22 июня, день моего ангела. Посмотри, как-то он обо мне печется. Сегодня меня дома ждут, — прибавил он, понизив голос... — Ну, подождут, что за важность!» [Тургенев 1981: 75].

Во-первых, эти слова обращают на себя внимание тем, что точно характеризуют мировоззрение главного героя. Его отношение к религии можно назвать, по меньшей мере, скептическим (что выражено и в приведенной фразе: «Посмотрим, как-то он обо мне печется»). Тем не менее, Базаров помнит день своих именин, что, несомненно, указывает на его воспитание. Набожные родители Евгения, конечно, праздновали день Ангела своего единственного и горячо любимого сына. На тот факт, что этот день является особенным в семье Базаровых, указывает и замечание Евгения, что именно в этот день его «дома ждут».

Во-вторых, интересна фактическая сторона вопроса. Дело в том, что, согласно православному календарю, именины Евгения отмечаются, в основном, зимой: 21 января, 12 и 19 февраля, 7 марта и 13 декабря [Месяцеслов 1861]. 22 июня же — день священномученика Евсевия, епископа Самосатского. Между тем во всех изданиях, начиная со второго номера «Русского вестника» за 1862 г., где роман был напечатан впервые, указано именно 22 июня. В полном собрании сочинений И. С. Тургенева в 30 томах, где указаны малейшие расхождения с рукописными вариан-

тами текста, не отмечено никаких авторских колебаний в этом месте. И все же за 150 лет бытования романа в русской культуре никто не заметил несоответствия указанной даты с православным календарем. Конечно, неточная дата именин Базарова — это ошибка. Вопрос в том, чья ошибка — Базарова, сознательно приписанная ему автором, или же самого автора? Является ли это частью авторского замысла или творческой случайностью?

То, что упоминание о дне Ангела функционально нагружено, кажется бесспорным. Об этом свидетельствует место этой фразы — в финале главы, что уже само по себе ее маркирует. Между тем следующая XVI глава начинается с подробного описания церкви в имении Одинцовой, которая потом никакой роли не играет в сюжете:

Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме, в недалеком расстоянии от желтой каменной церкви с зеленою крышей, белыми колоннами и живописью *al fresco* над главным входом, представлявшею «Воскресение Христово» в «итальянском» вкусе. Особенно замечателен своими округленными контурами был распростертый на первом плане смуглый воин в шишаке [Тургенев 1981: 75].

Таким образом, подробное описание церкви композиционно продолжает высказывание Базарова, одновременно акцентируя внимание на этом месте и указывая на значимость данного эпизода в тексте. Учитывая выверенность тургеневской композиции, такую переключку эпизодов (на первый взгляд, будто бы маргинальных) нельзя считать случайной.

Попробуем разобраться с функцией именинного эпизода. С одной стороны, Базаров мог перепутать даты: он не был дома три года и вряд ли праздновал день своего Ангела во время учебы. Тогда эта ошибка встраивается в ряд свидетельств о нигилизме Базарова. И все же путаница в датах значительная — ошибка в несколько месяцев. Тургенев никак ее не обыгрывает, если не считать того, что Базаров не добивается в имении Одинцовой желанной для него цели, но это относится не к дате, а к тому, что, как опасался и сам герой, Ангел его желаниям не покровительствовал. С другой стороны, становится непонятным, что же праздновали 22 июня в семье Базаровых, если этот день так памятен Евгению. Назвать день рождения днем Ангела человеку XIX в.

было невозможно. Укоренившееся ныне словоупотребление «именинник» в значении «новорожденный» также не было закреплено, но в интересующем нас эпизоде «Отцов и детей» оно в любом случае исключается (герой сам упоминает об Ангеле!). Итак, ошибка Базарова сомнительна. Ему памятен семейный праздник, причем связанный именно с ним, в противном случае теряется логическая связь с последующим его замечанием, что именно в этот день его ждут дома, хотя учеба закончилась как минимум месяц назад.

На этом основании мы склонны считать ошибку И. С. Тургенева случайной. Это предположение подтверждается, помимо уже сказанного, следующими фактами.

В «Месяцесловах» за 1858 г. [Месяцеслов 1858: 16] и 1859 г. [Месяцеслов 1859: 20] 22 июня отмечен как день *Евгения Самосатского*. В данном случае это была явная опечатка (никакого святого Евгения Самосатского не существовало), хотя в списке погрешностей [Месяцеслов 1858: 382] в конце календарей она и не упоминается. Тем не менее, в тех же изданиях, несколькими страницами дальше, в «Алфавитной росписи святых, находящихся в полном месяцеслове, с показанием времени, когда память их празднуется Православной Церковью» рядом с именем Евгения указаны уже правильные даты [Там же: 43], а рядом с именем Евсевия, как и положено, 22 июня. Во всех остальных оказавшихся доступными «Месяцесловах», в том числе за 1861 г., такой опечатки нет.

Можно, конечно, предположить, что Евгений был крещен Евсевием, как это делает Ю. В. Лебедев в своей работе [Лебедев: 89–90]. Проводя параллели между судьбами Св. Евсевия Самосатского и Евгения Базарова, он доказывает, что Тургенев неслучайно «выдал» в покровители своему герою именно этого святого:

Он <Базаров> <...> знает, что святой Евсевий погиб от случайной раны и что в смерти его была повинна женщина. Как сейчас Базаров с Аркадием, так когда-то Евсевий с учеником своим Марином Богоугодным посещали «ариевого зловерия исполненный город Долихинь». Враждебно настроенная женщина-арианка бросила в Евсевия черепицу с крыши и «уязвила зело». От этой раны разболелся и умер Евсевий. Умирая, он завещал друзьям, бывшим при нем, никакого зла этой женщине не чинить и покинул мир со словами прощения на устах. <...> Как и праведник Евсевий, Базаров умирает от случайного

пореза пальца со словами любви и прощения к Одинцовой [Лебедев: 89–90].

Таким образом, исследователь считает Одинцову повинной в смерти Базарова так же, как женщина-арианка виновата в гибели Евсевия. Ю. В. Лебедев не просто подменяет понятия, но и грешит против фактов: Базаров ни слова не говорит о прощении Одинцовой — он не видит ее вины в том, что она не может ответить на его чувства. На наш взгляд, ситуации, которые сопоставляет Лебедев, несопоставимы. Кроме того, получается, что Базаров помнит не только день своего Ангела, но и житие священномученика Евсевия, епископа Самосатского, однако в тексте мы не находим этому подтверждения. С точки зрения всего контекста романа, кажется маловероятным, чтобы глубоко религиозные родители, крестив сына Евсевием, называли его как-то иначе. Между тем, на протяжении всего романа отец зовет его Евгением, а мать — Енюшей, что тоже скорее является производным от имени Евгений. Кроме того, мы полагаем, что если бы несоответствие бытового и церковного имен имело место, оно с большой вероятностью было бы оговорено в тексте романа.

Вместе с тем не стоит забывать и о литературной истории имени «Евгений», которая, несомненно, не могла быть проигнорирована Тургеневым при выборе имени главного героя. Ю. М. Лотман в своей комментарии к «Евгению Онегину» отмечает, что уже на момент создания пушкинского романа в стихах «имя “Евгений” воспринималось как значимое и было окружено ярко выраженным смысловым и эмоциональным ореолом» [Лотман: 271].

И. С. Тургенев писал роман как в Англии и Франции, так и в России. Замысел возник во время пребывания автора в Вентноре. По словам писателя [Тургенев 1986: 33], в Вентноре он написал лишь первые главы, а А. И. Батюто в комментариях к роману [Тургенев 1981: 418] говорит о том, что Тургенев еще до возвращения в Россию собирался напечатать отрывок, соответствующий XII и XIII главам окончательного текста, в газете «Русская речь». Отрывок, впрочем, напечатан не был. Из Парижа Тургенев писал Л. Н. Толстому, что «вся штука застряла на половине» [Тургенев 1962: 216] и закончить ее, по-видимому, удастся уже в России. То есть, интересующие нас XV и XVI главы, скорее всего, были написаны уже в Спасском.

В пользу этого говорит и небольшое временное несоответствие в романе. Если попытаться восстановить хронологию событий между двумя указанными автором датами — 20 мая и 22 июня, то получается следующая очередность: 20 мая 1859 г. Евгений и Аркадий приезжают в имение Кирсановых; на следующий день, 21 мая, происходит первый разговор о нигилизме, и Базаров узнает историю Павла Петровича. Примерно через две недели после этого, т. е. в первых числах июня, происходит «схватка» Базарова и Павла Петровича (будем считать, что примерно 3–5 июня); на следующий день Евгений и Аркадий уезжают в город, встречают Ситникова, наносят визит Кукшиной. Через несколько дней после этого — бал у губернатора, знакомство с Одинцовой; на следующий день — визит к Одинцовой, приглашение приехать в Никольское; через три дня — 22 июня — отъезд в имение Одинцовой. Если считать с конца, то получается, что визит к Анне Сергеевне состоялся 19 июня, соответственно, бал у губернатора — 18. Таким образом, между приездом Базарова и Кирсанова в город и балом проходит около двух недель, которые в романе названы «несколькими днями». Это наводит на мысль о том, что рассматриваемый эпизод мог появиться в романе несколько позже предшествующих ему крупных событий.

Вероятно, Тургенев, не зная точно даты именин Евгения, сверился либо со случайным изданием «Месяцеслова», которым по иронии судьбы оказался «Месяцеслов на 1858 год» или «Месяцеслов на 1859 год». Причем, писатель сверился, видимо, только с календарной страницей на июнь, но не со списком святых в конце. Тургеневу же, по ходу действия романа, нужна была именно летняя дата.

Более того, сама находка этой даты выглядит не предвиденной заранее. На это указывает и упоминавшаяся выше неточность в хронологии, и тот факт, что никто из исследователей, занимавшихся историей создания романа, не указывает на колебания автора относительно выбора имени главного героя, т. е. можно предположить, что Базаров был Евгением сразу, а дата именин попала Тургеневу уже позже.

В таком случае, по авторскому замыслу, Базаров «правильно» помнит дату своих именин, и функция его реплики в романе — указание на характер его домашнего воспитания. Несомненно, что полученное Базаровым в детстве воспитание носит именно

религиозный характер. Оба его родителя — приверженцы народного православия, сочетавшего в себе и церковную религиозность, и суеверия. Тургенев прямо указывает на это в описании Арины Власьевны, матери Евгения:

Она была очень набожна и чувствительна, верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юродивых, в домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четверговую соль, в скорый конец света; верила, что если в светлое воскресенье на всюнощной не погаснут свечи, то гречиха хорошо уродится, и что гриб больше не растет, если его человеческий глаз увидит; верила, что черт любит быть там, где вода, и что у каждого жиды на груди кровавое пятнышко; боялась мышей, ужей, лягушек, воробьев, пиявок, грома, холодной воды, сквозного ветра, лошадей, козлов, рыжих людей и черных кошек и почитала сверчков и собак нечистыми животными; не ела ни телятины, ни голубей, ни раков, ни сыру, ни спаржи, ни земляных груш, ни зайца, ни арбузов, потому что взрезанный арбуз напоминает голову Иоанна Предтечи; а об устрицах говорила не иначе, как с содроганием; любила покушать — и строго постилась... [Тургенев 1981: 113–114]

Что касается отца, Василия Ивановича, то о нем говорится лишь, что он был набожен «не менее своей жены» [Там же: 124] (в значении именно приверженности традиционному православию). Он пожелал, чтобы по поводу приезда Евгения в доме отслужили молебен. Логично предположить, что родители воспитывали сына в соответствии со своими убеждениями.

Дополнительным доказательством тому служит разговор Евгения с Аркадием на следующий день после их приезда к родителям Базарова, в ходе которого Евгений упоминает об осине, которой он в детстве приписывал необыкновенные свойства:

Та осина <...> напоминает мне мое детство; она растет на краю ямы, оставшейся от кирпичного сарая, и я в то время был уверен, что эта яма и осина обладали особенным талисманом: я никогда не скучал возле них. Я не понимал тогда, что я не скучал оттого, что был ребенком. Ну, теперь я взрослый, талисман не действует [Там же: 118].

И хотя повзрослевший Базаров во всем придерживается нигилизма, объясняя чудесное влияние на него осины тем, что он сам был тогда ребенком, следы воспитания, данного ему в семье, все же еще сильны в нем. Оброненная им фраза про день Ангела — тому подтверждение.

Таким образом, случайно возникший, не задуманный заранее эпизод с именинами, вписанный в общий контекст романа, привносит новые черты в облик Евгения Базарова, делая фигуру этого героя еще более неоднозначной, дополнительно указывая на влияние полученного им воспитания на его личность.

ЛИТЕРАТУРА

- Лебедев: *Лебедев Ю. В.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Пособие для учителя. М., 1982.
- Лотман: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Пушкин А. С. Евгений Онегин; Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб., 2007.
- Месяцеслов 1858: Месяцеслов на 1858 год. СПб., 1857.
- Месяцеслов 1859: Месяцеслов на 1859 год. СПб., 1858.
- Месяцеслов 1861: Месяцеслов на 1861 год. СПб., 1860.
- Пумпянский: *Пумпянский Л. В.* «Отцы и дети» (историко-литературный очерк) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000.
- Тургенев 1962: *Тургенев И. С.* Письмо Л. Н. Толстому 14(26) марта 1861 г. // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1962. Т. 4: 1860–1862.
- Тургенев 1981: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1981. Т. 7: Отцы и дети. Повести и рассказы. Дым. 1861–1867.
- Тургенев 1986: *Тургенев И. С.* По поводу «Отцов и детей» // Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. Л., 1986.